

НАСТОЯЩИЙ ДЕТЕКТИВ

Детективы
ЕЛЕНА МИХАЛКОВОЙ:

Знак истинного пути
Время собирать камни
Дом одиноких сердец
Темная сторона души
Жизнь под чужим солнцем
Остров сбывшейся мечты
Водоворот чужих желаний
Рыцарь нашего времени
Призрак в кривом зеркале
Танцы марионеток
Улыбка пересмешника
Манускрипт дьявола
Иллюзия игры
Золушка и дракон
Алмазный эндшпиль
Восемь бусин на тонкой ниточке
Комната старинных ключей
Котов обижать не рекомендуется
Кто убийца, миссис Норидж?

НАСТОЯЩИЙ ДЕТЕКТИВ

Елена
Михалкова

КОТОВ ОБИЖАТЬ
НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ

Роман

АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Автор выражает глубокую благодарность
котам Макару и Степану за помощь в работе над книгой

Оформление обложки *Е. Елькиной*

Михалкова, Елена Ивановна

М69 Котов обижать не рекомендуется: роман / Елена
Михалкова. — Москва: АСТ, 2014. — 382, [2] с. —
(Настоящий детектив).

ISBN 978-5-17-080999-8

Говорят, что кошка в доме — к счастью. Но полосатый котенок, подобранный девушкой-фотографом в мокрой песочнице, об этом наверняка не слышал. Годзилла и Конан-варвар в одном усатом лице втягивает свою хозяйку в водоворот из чудовищных стечений обстоятельств, трагических событий и загадочного убийства.

Почему преступник охотится за фотографом? Успеет ли Светлана опередить его? Что скрывают артисты популярного театра? И — кто же все-таки убийца?

Читайте об этом в новом детективном романе Елены Михалковой «Котов обижать не рекомендуется».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© *Михалкова Е.*, 2012
© ООО «Издательство АСТ»

Спасение одного кота не изменит мир.
Но мир, несомненно, изменится для этого одного кота.

Неизвестный автор

С чего это вы взяли, что оно не изменит мир?

Неизвестный кот

ГЛАВА ПЕРВАЯ, *в которой Кот находится*

Котенок не мяукал. Затаился под перевернутой доской, в прошлой жизни служившей бортиком песочницы, и безмолвно таращился на Свету.

Она бы и не заметила его, если б не решила сфотографировать лужу. Лужа как лужа... Вот только в ней отражается облако, похожее на бегемота.

По-хорошему, ей следовало бы уже мчаться к машине, а не замирать над лужами на старых детских площадках. В небе над городом с утра клубилось какое-то адское варево. Тучи вскипали, бурлили и переливались через край небесной кастрюли теплыми ливнями. Вот снова хохотнул гром, готовясь сбачать безумный джаз на жестяных крышах.

«Всего на секундочку!»

Света присела на корточки, передвинулась, ища ракурс.

И вдруг увидела котенка.

Он сидел, нахохлившись, под облупившейся доской, и был похож на свиного птенца. Слипшаяся от воды шерсть перьями торчала во все стороны.

Елена Мухомова

От неожиданности она чуть не упала в соседнюю лужу.

— Ой! Кис-кис-кис!

Котенок не шелохнулся.

Света поспешно убрала камеру.

— Кис-кис... Ты чей? Иди сюда!

Она осторожно протянула руку. Пальцы коснулись мокрой шерсти.

Света замерла, опасаясь, что бедолага начнет кусаться от страха. Но ничего не случилось. Она осторожно обхватила теплое тельце и вытащила наружу.

— Какой же ты маленький!

И промокший. Он по-прежнему не сопротивлялся, только приоткрыл пасть, словно собираясь мяукнуть. Вблизи он больше походил на воробья, чем на совенка. И расцветка у него оказалась воробьиная: серо-коричневая.

Она огляделась. Может, неподалеку обнаружится хозяин котенка? Или из подвала покажется кошкa-мать, вспомнив о родительском долге?

Но все подвальные окна были наглухо заложены, а из потенциальных хозяев присутствовал только мальчишка лет десяти, выписывавший круги по лужам на велосипеде.

— Мальчик! — окликнула Света и поднялась. — Это не твой котенок?

— У меня собака! — с достоинством отозвался владелец велосипеда. — Лабрадор!

И укатил, тренькая звонком.

Вверху оглушительно гроыхнуло. Света вздрогнула, прижала к себе найденыша и быстро пошла к машине. Не оставлять же его здесь...

И тут без дополнительных предупреждений сверху обрушился водопад. Тяжелые струи впились в ас-

КОТОВ ОБИЖАТЬ НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ

фальт. Водосточная труба запела высоким чистым голосом. Сирень в палисаднике звонко захлопала всеми листьями: ливень! да здравствует ливень!

За одну секунду Света вымокла насквозь. Куртка захлопала, словно собираясь вот-вот разрыдаться от обиды, а джинсы отяжелели и мешали бежать. Пока девушка в поисках ключей шарила свободной рукой по карманам, на нее вылилось, по ее ощущениям, еще примерно пятьсот литров свежей дождевой воды.

Наконец ключи нашлись. Машинка чирикнула, признавая хозяйку, и Светлана нырнула внутрь.

— Фууух!

Котенка она выгрузила на соседнее сиденье и первым делом проверила камеру. Слава богу, кофр не протек.

Когда-то Света не пожалела денег на скучную черную сумку и с тех пор ни разу не раскаялась. Сумка оказалась удобной и надежной, а неброский вид тоже служил хорошую службу: поди догадайся, что в таком затрапезном чехле прячется профессиональная техника.

— Что, вымокли мы с тобой? Иди-ка сюда, блохастый! Проведем первичный осмотр пациента.

Пациент пискнул, когда его взяли на руки. Но отбиваться не стал и позволил осмотреть себя со всех сторон.

Что ж, самый обычный полосатый котенок. Два пучка усов и хвост ершиком. Только взгляд на удивление осмысленный. Казалось, котенок тоже смотрит на Свету изучающе и прикидывает, годится ли ему такая хозяйка.

— На лишайного ты не похож, — констатировала Света и вернула зверька на место.

Тот фыркнул. И немедленно принялся вылизываться в тех местах, где шерстку осквернило прикосновение ее пальцев.

Елена Мухомова

— Ну и что мне с тобой делать? Взять тебя я не могу. Меня целыми днями нет дома. Понимаешь?

Котенок завалился на бок, непринужденным движением профессиональной балерины вскинул вертикально заднюю лапу и лизнул то место, которое у человека называлось бы «под коленкой».

Света наклонилась к нему.

— Ты меня слышишь, чучело?

Полосатый оторвался от своего занятия и скептически посмотрел на девушку. Это был очень выразительный взгляд. «И чего мы ждем? — говорил он. — Почему не едем? Я весь промок».

Света вздохнула и повернула ключ зажигания.

В квартире найденыш повел себя как взыскательный клиент, только что вселившийся в сомнительный отель. То есть пошел обследовать комнаты с таким видом, будто не ожидает увидеть ничего хорошего.

А Света рысью помчалась на балкон и раскопала в шкафу старую кювету. Кювета сохранилась еще с тех времен, когда они с папой сами проявляли и печатали фотографии.

— Газеты-газеты-газеты, — бормотала Света, бегая по комнатам и пытаясь отыскать хоть одно печатное издание. Но — увы — газет в ее доме не водилось.

Она заглянула в кухню. Котенок вынюхивал что-то в углу за холодильником.

— Нет-нет-нет! Туалет не там!

Подхватила котенка под живот и сунула в кювету.

— Все свои дела будешь делать здесь. Ясно?

Света была очень убедительна. Человек, который месяц назад закончил ремонт кухни, не может не быть убедительным.

— Ты должен меня слушаться. Я здесь хозяйка!

КОТОВ ОБИЖАТЬ НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ

С грацией лошади, берущей первый приз на скачках, котенок перемахнул через бортик. Вскинул хвост и не спеша направился в облюбованный угол.

— Не смей! — взвыла Света и попыталась сцапать кота.

Рука ее схватила воздух. Полосатый просочился в щель и растворился в темноте.

— А ну выходи! — грозно сказала Света, прильнув щекой к холодному белому боку холодильника.

В глубине у стены что-то прощуршало.

— Выходи, тебе говорят! Сейчас холодильник отодвину!

Если бы Света точно не знала, что коты не умеют смеяться, ей бы показалось, что из щели раздался смешок.

Она поднялась, отпихнула кювету и отправилась на поиски телефона. Пора подключать опцию «звонок другу».

Дроздов взял трубку сразу.

— Леша, у меня котенок, — трагически сказала Света.

— Поздравляю! — отозвался веселый голос.

— Он наглый! Он везде ходит!

— Поставь ему лоток.

— Да не в этом смысле. Он все исследует!

— А ты чего ожидала? — удивился Лешка. — Это животное, оно изучает границы своей территории.

— Я ожидала благодарности за спасение его жалкой жизни, — огрызнулась Света. — И это не его территория, а моя!

— Забудь слово «мое», если решила завести кота, — посоветовал Дрозд.

— Я не решала!

— Тогда откуда он у тебя?

Света рассказала.

Елена Михайлова

— И теперь он сидит за холодильником и не желает выходить!

— Спокойно, без пены! Выйдет. Дай ему время. Еду приготовила?

— Да... — растерянно отозвалась Света. Лешкина манера перескакивать в разговоре с одной темы на другую всегда выбивала ее из колеи.

— Какую?

— М-м-м... Суп из грибов и овощной салат. А что?

Лешка тяжело вздохнул в трубку.

— Ко-ту! — раздельно сказал он. — Коту ты какую еду приготовила? Даже при твоём неумении обращаться с животными вряд ли ты станешь кормить своего подобранца овощным салатом.

— Я умею! — возмутилась Света. — Однажды мне оставляли мопса! На целую неделю.

— Мопс не в счет, — отрезал Дрозд. — У кого не было кота, тот ничего не знает о животных. Так что ты для него приготовила?

— Кажется, в холодильнике было молоко...

В трубке повисло тяжелое молчание.

— Лешенька, — взмолилась Света, — я в самом деле не знаю, чем его кормить! Давай ты приедешь и все мне расскажешь.

В трубке еще помолчали.

— Пользуешься моей слабохарактерностью, — наконец констатировал Дрозд.

— Добротой твоей безмерной, а не слабохарактерностью! — обрадованно сказала Света, поняв, что помощь придет.

— И тем, что падок я на лесь, — с грустью добавил он. — Черт с тобой, сейчас приеду. И не вздумай поить его молоком!

КОТОВ ОБИЖАТЬ НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ

...Полчаса спустя в дверь позвонили. Как обычно, Дроздов едва не снес плечом вешалку, посоветовал Свете поставить ее в другое место и получил в ответ, что другого места в квартире нет, а он медведь неуклюжий.

Это был ритуал. Их обычное приветствие, означавшее: «У меня все в порядке» — «И у меня все в порядке». Если бы Лешка не задел вешалку, Света решила бы, что случилось что-то серьезное.

Из всех друзей Лешкой звала его она одна. Для прочих он был Дрозд. Во-первых, потому что Дроздов. Во-вторых, потому что поет.

Дрозд пел везде. Еще в школе на каждом уроке на свистывал под нос, отбивая пальцами ритм на парте.

— Дроздов! — взывала химичка, стоя лицом к доске. — Опять художественный свист!

Лешка смущенно умолкал. Но через пять минут задумывался, и тишину снова нарушали негромкие трели.

Внешне Дроздов ни капли не походил на певчую птицу. Был он высоченный, долговязый, с лохматой шевелюрой, летом выгоравшей до пшеничных прядей, и синими глазами. За пару солнечных недель Лешка успевал загореть так, что глаза тоже казались выгоревшими до светло-голубого, речного цвета.

И к тому же громкий, шумный и ужасно неуклюжий. Он хохотал так, что птицы в панике взлетали с деревьев, а прохожие вздрагивали и ускоряли шаг. Под ним рушились школьные стулья, а в его руках куртки сами расходились по швам. Он единственный из всей параллели ухитрился сломать физкультурного «козла», прыгая через него. И пока физкультурник ПалАлексеич обливался слезами над безвременно по-

Елена Мухомова

гибшим снарядом, Дрозд стоял рядом с сокрушенным видом и насвистывал что-то горестное.

При том его любили и одноклассники, и учителя. Первые прощали ему дружбу с девчонкой, вторые — прогулы и мелкие школьные проказы.

Преподавательница русского и литературы, прозванная Буратиной за выдающуюся носатость, даже взяла на себя благородную миссию очистить речь Дроздова от «нелитературных выражений». «Алексей, ты можешь разговаривать на правильном русском языке! — убеждала она Дрозда. — Бери пример с Морозовой!»

«А у меня что, неправильный?» — удивлялся Лешка. Буратина всплескивала руками.

«Когда я тебя попросила принести журнал из учительской, что ты мне ответил? «Метнусь кабанчиком!»

«Ну так я и метнулся», — ухмылялся Дрозд.

«Алексей, я прошу, не надо этой специфической лексики! Она тебе не идет. И весь класс потом за тобой повторяет».

Словечки и выражения Дрозда действительно цеплялись за язык с такой же легкостью, как созревшие репейные колючки — за штаны. Леру Ивашину из соседнего «Б», худую, длинную ханжу с вечно поджатыми губами, Лешка как-то обозвал «три метра сухостоя». Прозвище привязалось на все оставшиеся школьные годы, а потом плавно переехало за Ивашиной в институт.

Но все старания учительницы были напрасны. Дрозд оказался неисправим — к большому удовольствию всего класса.

Единственным человеком, ненавидевшим Дроздова от всей души, была Вика Ковальчук.

С пятого класса Вика с гордостью носила кличку «отпетая». И считала своим долгом время от времени

КОТОВ ОБИЖАТЬ НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ

подтверждать ее. Просто чтобы не забывали, кто в классе главный.

Главная — она, Вика. Хочет — казнит, хочет — милует. Ковальчук завела себе собственную гвардию, состоявшую из трех сильных девочек, и с их помощью милосердно правила классом.

Или почти милосердно. По вечерам Вику лупила вечно полупьяная мать, а днем Ковальчук отрывалась на одноклассниках.

Ей нужно было не так уж много: чтобы признавали ее власть и словом, и делом. То есть соглашались с тем, что Вика имеет право залезть в чужой портфель, вытряхнуть оттуда учебники и позаимствовать без спроса ручку. Что она может занять любую парту, стоит ей только пожелать. Или выкинуть кого-нибудь из очереди в столовой, заодно отобрав булочку с сахарной посыпушкой.

На эти не слишком большие жертвы шли почти все. Никому не хотелось заполучить во враги страшную Ковальчук: низкую, широкоплечую, с глазами навыкате. Тем более, что ее гвардия всегда держалась при ней и подчинялась одному щелчку Викиных пальцев.

Среди тех, кто проявлял непонятное упрямство, была Светка Морозова. Как-то раз, когда Вика собралась провести ревизию ее портфеля, Морозова вдруг словно взбесилась: вырвала сумку из рук Ковальчук и убежала из класса. Мало того, что прогуляла русский, так еще и было бы из-за чего беситься! Ничего такого особенного Светка в портфеле не держала.

После этого Вика официально назначила Морозову на роль школьной дурочки. Светка давно раздражала ее. Высокая, молчаливая дылда, и вечно держится сама по себе. Русичку вместе со всеми не травит. За школой не покуривает тайком от директора. И вообще чок-

Елена Михайлова

нутая. Разве нормальный человек будет подбирать каштаны на улице и рассовывать их по карманам? Однажды физкультурник отправил девчонок на турник, так Морозова перевернулась вниз головой, а из нее каштаны посыпались. Ну не дура?

Одна привычка Светки особенно выводила Вику из себя. Морозова могла всю перемену таращиться в окно, как слабоумная. Или на школьном дворе уставится на что-то — и смотрит, смотрит, смотрит... Ковальчук несколько раз походила, приглядывалась. Ничего там не было! Ну, обшарпанный бок уличной скамьи. Или ветка в инее. Или и вовсе кирпич! Валяется в замерзшей луже, а Светка присела рядом на корточки и лыбится. Ну не дура?

Вся, вся Морозова, от коротко стриженных волос («фу, тифозная») до грубых туфель («фу, лошадь») вызывала у Вики необъяснимую антипатию.

А после выступления русички антипатия перешла в ненависть.

Трепетной Буратине сорвали урок. Взбешенная поведением класса, та заявила, что перед ней сборище питекантропов. «Одна Морозова — утонченная натура! — пылко воскликнула учительница. — Луч света среди вас!»

«Что же вы делаете-то, Людмила Прокофьевна, — с тоской подумал «луч света». — Зачем вы меня так подставляете?»

И умоляюще посмотрел на учительницу, взглядом упрашивая ту замолчать.

Но носатая Людмила Прокофьевна обладала чуткостью кастрюли и смысла взгляда не уловила.

— Утонченная! — настойчиво повторила она. — Начитанная! Образованная! Вы все ей в подметки не годитесь!

КОТОВ ОБИЖАТЬ НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ

И торжествующе оглядела класс, довольная тем, что донесла до глупых семиклассников истину.

Тут-то Вике и стало ясно, что с обнаглевшей Морозовой пора что-то делать. Утонченная она... Кобыла дурковатая!

После уроков Ковальчук подстерегла Свету в раздевалке. Встала в дверях, выдвинув на аванпост преданную гвардию: Ленку Бахтину и Наташу Каплун, угрюмых крепких девиц, здоровенных, как тролли. И скомандовала, упиваясь моментом:

— Давайте!

Бахтина и Каплун зажали Светку в углу. Вика подошла, не торопясь, обшарила карманы ее паршивенькой курточкой и вытащила все сокровища: штук восемь каштанов. Морозова отчаянно вырывалась, но не издавала не звука. Что Вике и требовалось. Она знала, что такие, как Светка, на помощь звать не будут: слишком гордые.

— А говорят, во Франции каштаны едят, — задумчиво сообщила она, подкидывая гладкое коричневое ядрышко. — Может, и ты их жрешь? А, Морозова? Давай попробуем?

И подошла к Светке, приноравливаясь, как бы ловчее напихать дуре в рот парочку каштанов.

Сзади что-то просвистело и больно ударило Вику в спину. Ковальчук отскочила и обернулась.

В дверях возвышался лохматый Дроздов. Портфель, который он швырнул в нее, валялся в углу.

— А ну отпустили ее, живо, — тихо приказал он.

— Ты, Дрозд, офигел?!

Дроздов не стал больше тратить времени на уговоры. На его стороне была сила. На стороне Вики Ковальчук только глубокая убежденность в том, что такие парни, как Дрозд, не трогают девчонок.

В столкновении этих двух преимуществ сила победила. Дроздов попросту растолкал Вику, Наташу и Ленку. Все трое обнаружили себя валяющимися на полу под чужими куртками. Это было не больно, но очень обидно. А Дрозд молча подобрал рассыпавшиеся каштаны, закинул портфель за спину, взял Морозову за руку и вывел из раздевалки.

Вике ни разу не доводилось получать в школе такой отпор. Она поднялась и накинулась на Бахтину с Каплун: — Что разлеглись, дуры?! Вставайте!

И обматерила неповинных Ленку с Наташкой.

Но Светку с тех пор обходила стороной. Стало ясно, что тифозную Морозову Дрозд взял под свое покровительство.

Вика никак не могла понять, отчего Дроздов выделил эту долговязую уродку из всех девчонок их класса. На следующий день после происшествия в раздевалке они сели вместе. Вика с отвращением наблюдала, как Морозова смеется его шуткам, а Дрозд паясничает, довольный, что развеселил ее.

Ковальчук настроила своих приспешников, и те пытались дразнить Дрозда и Морозову. Для разминки — «тили-тили-тесто», а потом и похлеще. Но не прижилось. Не было у этих двоих никакого тили-тили-теста, а было что-то другое, Вике непонятное и оттого бесившее ее.

До конца четверти ей так и не удалось придумать, как разобраться с ними. А потом Дрозд со Светкой неожиданно ушли из школы. У Морозовой умер отец и семья переехала в другой район, а Дрозд, как говорили, перешел с подругой «за компанию».

Ну не идиот ли? Вика окончательно убедилась, что два придурка нашли друг друга, и продолжала властвовать над покорным классом. О своем унижении в раздевалке она постаралась забыть.